

ББК 67.807

Е. А. Матвеева

Типология международного регионализма в исторической перспективе*

Е. А. Matveeva

International Regionalism Typology in Historical Perspective

Представлены основные исследовательские подходы к выделению различных исторических типов и этапов развития регионализма в международных отношениях, рассмотрены характерные черты каждого из типов и причины, определившие их возникновение на протяжении XX–XXI вв.

Ключевые слова: имперский регионализм, экономический регионализм, «новый» регионализм, интеррегионализм, субрегионализм, международные отношения.

Феномен регионализма, процессы регионализации и региональной интеграции не обделены вниманием исследовательского сообщества ни в России, ни за ее пределами. Тем не менее, очевиден и тот факт, что в фокусе анализа по большей части оказываются явления, характерные для международной системы последнего двадцатилетия, непосредственно связанные с процессом глобализации. Расширение временных рамок изучения регионализма в международных отношениях, попытки которого предпринимаются отдельными учеными, не только представляет интерес, но и имеет большое значение для понимания современной ситуации как в силу того, что сравнительный временной анализ дает возможность более точного выявления черт разных, хотя и родственных типов этого феномена, так и потому, что подобный исторический анализ позволяет значительно увеличить потенциал использования различных теоретических подходов к изучению региональной тематики. К тому же взгляд на мировую историю XX столетия через призму регионализма и историю регионов вовсе не является тривиальным.

Эволюция регионализма и регионализации является достаточно дискуссионной темой в современной научной среде. Нет, например, однозначного согласия относительно выделения конкретных этапов в историческом развитии этих процессов. Так, Мэтью Дойдж разделяет историю современного регионализма на три фазы: «имперский регионализм» 1920–1930-х гг., «закрытый регионализм», появившийся после Второй мировой войны и характерный для международной системы приблизительно до середины

The paper deals with the principal analytic approaches to international regionalism typology and historical stages of its evolution. The article examines the main characteristics of regionalism types and the reasons for their development during the XX and the beginning of the XXI centuries.

Key words: imperial regionalism, economic regionalism, «new» regionalism, interregionalism, subregionalism, international relations.

1970-х гг., и «открытый регионализм», появление которого стало различимо с конца 1980-х гг. и особенно после завершения холодной войны. Последние два периода обычно именуется периодами «старого» и «нового» регионализма [1]. Сходную периодизацию дает и Марио Тело в книге «Европейский Союз и новый регионализм: региональные акторы и глобальное управление в постгегемонистскую эпоху», также указывая на то, что в течение XX в. можно выделить три волны регионализма, но присваивая им другие названия: «злонакачественный» имперский, «экономический» и «новый» регионализм [2].

Регионализм межвоенного периода характеризовался, согласно современным исследователям, существованием империалистических блоков с гегемонистскими державами. Все межвоенные инициативы, в отличие от периода, последовавшего за окончанием Второй мировой войны, когда все-таки признавалось фактическое суверенное равенство государств, обусловливались стремлением к гегемонии и желанием обеспечить превосходство для себя со стороны великих держав — Германии, Франции и Соединенного Королевства. Возникшие блоки — Германия в Центральной и Восточной Европе, Франция и «Малая Антанта» с Чехословакией, Румынией и Югославией, Англия и Британское Содружество наций) — руководствовались нуждами каждой из этих держав и, таким образом, были склонны к соперничеству в экономической, политической и военной сферах с другими блоками и державами.

Это предполагало, в особенности в случае с Германией, использование блоков в качестве сред-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», госконтракт № 16.740.11.0701.

ства обеспечения ресурсами для промышленного производства в рамках «имперского ядра». Такая блоковая политика преследовала цели сокращения зависимости от потенциальных врагов и увеличение экономической и военной мощи гегемона. Подобная система характеризовалась закрытыми и конкурирующими регионами, целью отдельных элементов в которых было получение независимости во всех смыслах от гегемона, а не коллективное развитие всех членов блока. Этот тип регионализма, в сравнении с типами регионализма, возникшими в послевоенный период, был более закрытым и конкурентным. Поэтому неудивительно то, что в рамках этого периода не была создана действующая кооперативная межрегиональная архитектура.

М. Тело подчеркивает, что в развитии этого «злокачественного» регионализма определяющую роль сыграли ситуация экономической нестабильности, кризисные явления в мировой экономике и разрушение британской гегемонии в мировой системе. Все это сопровождалось, по его словам, кризисом Лиги Наций, крушением первых планов и шагов к выстраиванию проектов европейского единства, диалога Бриан–Стрезманн и экспансией Японии в Восточной Азии [2].

После Второй мировой войны регионализм изменил свои характеристики, теперь он был связан с кооперацией между государствами на основе суверенного равенства и нацелен на достижение коллективных благ всеми участниками, а не только великими державами-гегемонами. Тем не менее, он по-прежнему характеризовался относительной узостью набора целей (обычно это был экономический протекционизм) и замкнутостью.

Региональные группировки, обычно исключительно экономические, нацеливались на извлечение выгод из расширившихся внутренних рынков и защиту внутренних производителей от внешней конкуренции. В Европе регионализм этого периода включал также и компонент безопасности — первые шаги на пути европейской интеграции были почти полностью сфокусированы на попытках институционализировать мир на европейском континенте сразу после «европейской гражданской войны» [1].

Однако, хотя успех Европы был одним из факторов, обусловивших появление других объединений в 1960–1970-е гг., были и другие, не менее важные, позволяющие объяснить формы и смысл «закрытого» регионализма. Как подчеркивает М. Дойдж, наиболее важным из них была критика мировой экономической структуры и модернизационной концепции развития со стороны сторонников теории зависимости, утверждавших, что возможность для развивающихся стран достичь уровня развитых стран вследствие структурной асимметрии международной экономической системы практически сведена к нулю. Соответственно,

эти страны удерживаются на позициях постоянной зависимости от развитого мирового ядра. В 1970-е гг. эта критика вызвала появление движения развивающегося мира, выразившегося в создании таких организаций, как Движение неприсоединения и Группа 77-ми (G-77), требованием которых было создание нового международного экономического порядка.

Программа действия этих структур призывала к усилению сотрудничества между самими развивающимися странами как средства достижения «коллективного самообеспечения». В практической плоскости это выражалось в осуществлении импорт-замещающей индустриализации, предполагающей защиту промышленного производства с помощью внешнеторговых барьеров, квот на импорт и контроль над иностранными валютами. Регионализм в развивающихся странах, таким образом, стал естественным дополнением данных стратегий протекционистского развития. Создание региональных блоков подразумевало, кроме того, и некоторые политические инициативы, особенно это касалось возможности увеличения влияния участников в переговорах с представителями развитого мира. Регионализм виделся как орудие борьбы за конец отношений эксплуатации и зависимости от индустриализированного Севера [1].

Эдвард Мэнсфилд и Хелен Милнер, в отличие от авторов вышеупомянутых работ, выделяют четыре этапа (волны) регионализма, который они рассматривают прежде всего как создание и развитие зон преференциальной торговли. Первый этап они относят ко второй половине XIX в. и указывают, что в это время регионализм был исключительно европейским феноменом. В течение этого периода внутриевропейская торговля росла невероятными темпами и составляла подавляющую часть общемировой. Кроме того, согласно утверждению этих авторов, европейская экономика фактически функционировала во многих отношениях в качестве единого рынка. Этому способствовали как индустриальная революция и развитие технологий, облегчавших межгосударственную торговлю, так и создание различных таможенных союзов и двусторонних торговых соглашений, самым известным из них был германский Zollverein («Таможенный союз»), созданный под эгидой Пруссии в 1834 г., австрийские земли сформировали таможенный союз в 1850 г., швейцарские — в 1848 г., Дания — в 1853 г., Италия — в 1860-е гг. В это время создание таможенных союзов было напрямую связано с формированием единых государственных образований. Но создавали таможенные союзы и разные государства, например, Швеция и Норвегия, Молдавия и Валахия. Развитие широкой сети двусторонних торговых соглашений также содействовало росту регионализма в Европе. Начало им положил англо-французский торговый договор 1860 г. Все государства, связанные такими до-

говорами, получали возможность пользоваться режимом наибольшего благоприятствования в торговле друг с другом. Желание государств, находившихся вне этой сети, получать те же преимущества и доступ к рынку участников, стимулировало быстрое распространение таких соглашений. Однако этому периоду возрастающей интеграции в рамках Европы и «прогрессивного билатерализма» положила конец Первая мировая война [3].

Вторая волна регионализма, пришедшая после окончания Первой мировой войны, согласно Э. Мэнсфилду и Х. Милнер, ознаменовала собой появление региональных группировок, носивших исключительно преференциальный характер. Некоторые из них были необходимы для более тесного взаимодействия между великими державами-империями и их колониями. Так, Франция создала таможенный союз со своими колониями в 1928 г., система преференций в рамках Содружества наций была учреждена в 1932 г. Большинство, однако, формировались независимыми государствами. Венгрия, Румыния, Югославия и Болгария по отдельности договорились о преференциях в торговле сельскохозяйственными товарами с другими европейскими государствами, по Римскому соглашению 1934 г. возникла зона преференциальной торговли, включавшая Италию, Австрию и Венгрию. Бельгия, Дания, Финляндия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия и Швеция заключили серию экономических соглашений в течение 1930-х гг.

Ученые обычно объясняют рост регионализма в межвоенный период неспособностью государств достигнуть многосторонних соглашений для решения экономических проблем. Эта неудача объясняется политическим противостоянием великих держав и стремлением использовать региональные торговые стратегии. В отличие от предыдущего периода, эта волна регионализма была связана с распространением политики «разори соседа» (*beggar-the-neighbour policies*), дискриминационных торговых блоков, протекционистскими двусторонними торговыми соглашениями, которые способствовали усилению напряженности в отношениях между государствами, а также появлению Великой депрессии [3].

После окончания Второй мировой войны, по мнению Э. Мэнсфилда и Х. Милнер, можно говорить о значительном росте торгового регионализма в течение всей второй половины XX в. Эту тенденцию они прослеживают на примере не только Западной Европы и ЕЭС, но и стран Восточной Азии, а также Андского пакта, Экономического сообщества западноафриканских государств, связей между Австралией и Новой Зеландией.

В это же время говорят и о появлении нового феномена — интеррегионализма, в основе которого лежит так называемый межрегиональный подход, ис-

поведовавшийся Европейским сообществом в рамках зарождавшегося в 1960-е гг. сотрудничества в рамках политики развития [1]. Начальным шагом в этом направлении стала первая конвенция Яунде, заключенная между ЕЭС и Ассоциацией африканских стран и Мадагаскара в 1963 г. Этот шаг означал введение в сотрудничество по крайней мере двух новшеств: он предполагал диалог между региональными группировками, а не между государствами и, кроме того, был нацелен на создание совместных институтов. С середины 1970-х гг., и особенно с начала 1980-х гг. диалог между интеграционными группировками, строившийся вокруг ЕЭС, переживал период активного роста. Среди прочих можно назвать соглашения о сотрудничестве ЕЭС-АСЕАН 1980 г., ЕЭС-Андский пакт 1984 г. и др. Такая активизация стала следствием кризисов в Средиземноморском бассейне, обострения арабо-израильского конфликта, старта процесса Европейского политического сотрудничества в 1970 г. и в особенности присоединения к ЕЭС Великобритании в 1973 г. Все это привело к заключению соглашений с средиземноморскими странами, началу европейско-арабского диалога, подписанию конвенции Ломэ между ЕЭС и Группой африканских, карибских и тихоокеанских государств в 1978 г.

Возвращаясь к проблеме периодизации и выделения исторических типов регионализма в международных отношениях, нужно отметить, что некоторые исследователи выделяют в качестве главного критерия, определяющего регионализм как явление, возникновение формальной организации именно на региональном, а не международном уровне. Эти исследователи опираются на дефиницию международного региона, данную Дж. Наем, согласно которой регион представляет собой «ограниченное количество государств, связанных друг с другом в географическом отношении, а также степенью взаимозависимости» [4]. Регионализм они определяют, соответственно, как «формирование межгосударственных группировок на основе регионов» [5]. В соответствии с этим пониманием очень трудно проследить истоки регионализма в период, предшествовавший Второй мировой войне, поскольку в это время существовало малое количество региональных группировок. Несмотря на то, что международные организации того времени были явно европоцентричными и, следовательно, региональными, идея Европы в качестве отдельного региона в рамках более широкой глобальной системы еще не появилась, а существовавшая система могла рассматриваться только как европоцентричный мировой порядок. Кроме того, после Первой мировой войны державы-победительницы пытались выстроить новый мировой порядок, опираясь на универсалистские по своей сути идеи, в том числе о необходимости создания единой международной организации — Лиги Наций.

Регион как единица анализа в международных отношениях стал важен, во-первых, в контексте нового послевоенного мирового устройства и холодной войны, но, во-вторых, и в результате роста самосознания самих регионов. По словам С. Хоффмана, «одной из черт послевоенной мировой политики было разделение большой и гетерогенной международной системы на подсистемы, модели сотрудничества и способы контроля над конфликтами, в которых более интенсивны и не так ненадежны, как в глобальной системе» [6, с. 14.].

Однако, как отмечает Л. Фосетт, региональные организации этого периода были подчинены более пространным целям конфликта между Востоком и Западом, многие из них были созданы специально для того, чтобы служить интересам одной из двух сверхдержав [5, с. 9–36]. В эту категорию попадают все организации по поддержанию безопасности, созданные в первые годы холодной войны: НАТО, ОВД, Пакт Рио 1947 г. (Межамериканский договор о взаимной помощи), СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС, Организация американских государств. Указывается и на то, что первые попытки европейской интеграции тоже были обусловлены попытками обезопасить Западную Европу от советской угрозы. В качестве неудачной автор описывает попытку реализации регионализма «третьего мира». Такие структуры, как Конференция Объединенных наций по торговле и развитию, G-77, Движение неприсоединения, Организация африканского единства, ОПЕК не стали надежной основой для укрепления солидарности развивающихся стран [5].

Независимо от того, какой периодизации в истории регионализма придерживаются исследователи, все они солидарны в выделении последнего, современного этапа. Практически все аналитики сходятся во мнении о том, что на рубеже 1980–1990-х гг. возникает так называемый новый, или открытый регионализм, и появление его напрямую связано с процессом глобализации [7, с. 25–51; 8]. Если «старый» регионализм был явлением государственным по своей природе, продуктом «больших межгосударственных сделок», решения которых спускаются сверху вниз, то «новый» стал результатом появления новых экономических сфер и необходимости отвечать на требования глобализации. Хотя он по-прежнему управляем государствами, но, в основном, все действия в его рамках исходят из необходимости отвечать на шаги частных рыночных игроков. Новый регионализм, как предполагается, выходит за рамки экономической сферы, это «многомерная форма интеграции, которая включает экономические, политические, социальные и культурные аспекты и поэтому выходит за рамки стремления к созданию региональных режимов свободной торговли или альянсов, ставящих своей целью достижение безопасности» [9].

В то время как закрытый регионализм был сфокусирован на протекционизме, стремлении защитить экономики стран-участниц от внешней конкуренции, новый регионализм открыт и «направлен вовне», рассчитан на полное вовлечение в процесс неолиберальной глобализации и мировые рынки.

По мере распространения нового регионализма региональные группировки становятся более сплоченными и институционализированными и, как следствие, стремятся выражать и отстаивать свои интересы на мировой арене более решительно. Развитие нового регионализма сопровождается созданием и развитием все более плотной сети внешних контактов, в том числе и возрастающим числом интеррегиональных отношений, и появлением «нового» интеррегионализма. Это явление, распространение которого тесно связано с процессом глобализации, изначально было ограничено только пределами Северной Америки, Европейского Союза и Восточной Азии, поэтому некоторые аналитики термин «глобализация» заменяют на термин «триадизация» [10]. «Новый» интеррегионализм проявился именно в рамках экономик этой «триады», прежде всего в Европе.

В период, последовавший за окончанием холодной войны, возникло еще одно явление, привлекающее к себе внимание исследователей в последнее время — это субрегионализм и развитие субрегиональных группировок, т. е. сотрудничество государств (или других акторов) определенной географической зоны в рамках более крупного региона. Для Европы исследователи указывают на важность того, что эти структуры сотрудничества существуют вне формальных рамок региональных организаций, прежде всего ЕС и НАТО. Ученые подчеркивают также, что подобные образования появлялись и во времена холодной войны, например, Бенилюкс, созданный в 1949 г., или Северный Совет, объединяющий скандинавские страны и существующий с 1952 г. [11]. Однако именно окончание холодной войны стало катализатором процесса создания таких группировок, а их основными целями, так или иначе, становились облегчение реинтеграции восточноевропейских членов группы со странами Западной Европы или укрепление сотрудничества внутри региона Центральной и Восточной Европы для защиты общих интересов.

Таким образом, можно констатировать, что развитие международного регионализма нельзя назвать абсолютно новым феноменом для мировой системы последних двадцати лет. Безусловно, процессы регионализации в рамках «нового» регионализма характеризуются формированием более сложных, разнообразных и многоуровневых систем. Однако опыт изучения регионализма в прошедшем столетии указывает на то, что, возможно, этот процесс не является необратимым.

Библиографический список

1. Doidge M. The European Union and Interregionalism: Patterns of Engagement. — Ashgate Publishing, Ltd., 2011.
2. European Union and New Regionalism: Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era/Ed. by M. Telò. — Ashgate Publishing, Ltd., 2007.
3. Mansfield E.D., Milner H.V. The New Wave of Regionalism // International Organization. — Vol. 53. — №3. — 1999.
4. International Regionalism/ed. by J. Nye. — Boston, 1968.
5. Fawcett L. Regionalism in Historical Perspective/in L. Fawcett and A. Hurrell (eds) Regionalism in World Politics. — Oxford, 1995.
6. Hoffmann S. Janus and Minerva: Essays in the Theory and Practice of International Politics. — Westview Press: Boulder, Col. — 1987.
7. Väyrynen R. Regionalism: Old and New // International Studies Review. — Vol. 5. — №1. — 2003.
8. Ethier W.J. The New Regionalism // The Economic Journal. — Vol. 108. — №449. — 1998.
9. Hettne B. Ed. by, Inotai A., Sunkel O. Globalism and the New Regionalism. — Palgrave Macmillan, 1999.
10. Ruijgrok W., Tulder R. van. The Logic of International Restructuring. — Routledge, 1995.
11. Cottey A. Sub-regional Cooperation in Europe: An Assessment // Bruges Regional Integration & Global Governance Papers. — 2009. — №3.